

Андрей Львович Ливадный

Прорыв

Аннотация

Много лет назад, в результате катастрофы, вызванной неудачным научным экспериментом, на территории России возникли огромные зоны отчуждения. От Внешнего мира их отделили почти непроницаемые энергетические Барьеры. За Барьерами не осталось ничего живого, зато процветают и бурно развиваются кошмарные порождения Техноса. И лишь мощная Барьерная армия противостоит натиску техногенных монстров. Но всегда находятся люди, готовые ради наживы вынести из-за Барьеров какую-нибудь смертоносную пакость. Один из таких людей – Станислав Радич, талантливый

ученый, международный террорист и ставленник преступных корпораций. С какой целью Радич проникает за периметр одного из Барьеров, неизвестно, но ясно одно – ничего хорошего человечеству он оттуда не принесет. Если его, конечно, не остановит майор Барьерной армии Иван Шершнев...

Андрей Ливадный

Прорыв

От автора
15 сентября 2051 года

Дата, разделившая историю нашей цивилизации на «до» и «после» величайшей техногенной катастрофы.

Несомненный прорыв в науке, первые испытания установки, формирующей гиперпространственные

тоннели, обернулись для миллионов людей непредсказуемыми последствиями.

Результат испытаний привел к неуправляемому развитию процесса: образовалось пять устойчивых, не разрушающихся со временем пространственных червоточин.

На поверхности Земли образовались отчужденные пространства, изолированные Барьерами, внутри периметра которых погибло все живое, но неожиданный импульс в развитии получила техносфера.

Первые люди, проникшие через Барьеры, увидели пространства, подвергшиеся действию сил, не укладывающихся в рамки известных современной науке физических законов, столкнулись с порождениями стремительной кибернетической эволюции.

Пять отчужденных пространств стали не только точками проникновения в иные измерения, но и кладезем технологий, опережающих все самые смелые предположения о технике будущего. Микромашины, ставшие основой всех эволюционных изменений, приспособились к новым условиям: в результате вспышечного развития их колонии научились захватывать и «модифицировать» любой доступный носитель, будь то старая техника или человек.

Единственным фактором, ограничивающим их экспансию, являлся новый источник энергии, вкрапленный в кору нашей планеты первой пульсацией Узла (так ученые называли червоточины, соединившиеся во внепространственную структуру).

После многих лет исследований стало понятно: излучение вещества,

названного «скоргиум», является единственным источником питания для «изделий техноса». Любой изменившийся механизм или устройство, транспортированные во Внешний Мир, за периметр Барьеров, теряли функциональность, превращались в муляжи — сформировавшие их колонии микромашин переходили в состояние стазиса, и это обстоятельство стало единственным рубежом защиты нашей цивилизации от безудержной экспансии саморазвивающейся техносферы отчужденных пространств.

Однако за годы, прошедшие с момента катастрофы, за границы Барьеров проникли не только охотники за артефактами — в отчужденных пространствах образовались устойчивые группировки людей, инфицированных микромашинами. Они

сумели выжить, остановить изменения, создать из микромашин полезные вживленные устройства, но понимали: им уже никогда не вернуться назад во Внешний Мир.

Скоргиум и технологии устройств, зародившиеся в глубинах аномальных пространств, среди энергетических полей и металлической растительности, привлекли пристальное внимание корпораций Внешнего Мира.

К рубежу 2055 года стало понятно: тот, кто сможет добыть редкоземельный элемент и транспортировать его за границы Барьеров, без преувеличения обретет власть над миром, но необратимо изменит нашу планету.

В стремлении достичь вкраплений скоргиума (элемент мог существовать в стабильном состоянии только на большой глубине, при определенной

температуре и давлении) пропали многие, но трагический опыт никого не убеждал: специальные группы, подготовленные ведущими корпорациями Земли, не прекращали попыток добыть и транспортировать скоргиум за границы Барьеров, а многочисленные обитатели отчужденных пространств по разным причинам не желали вставать на их пути.

Мир балансировал на грани. В исследовательских центрах за границами Барьеров к этому времени скопились миллионы образцов измененных микромашинами устройств, не представлявших опасности без адекватного источника энергии, но все могло измениться в любой момент.

Охотники за технологиями не понимали: стоит дать порождениям

кибернетической эволюции хотя бы один шанс, и они вырвутся на просторы планеты, необратимо изменят Землю, превратят ее в мрачное царство техносферы, где человеку уже не будет места.

Пролог

Дождь стеной.

Непогода сузила мир, оставив восприятию лишь толику реальности: стены близлежащих домов, покрытые щедрыми россыпями выщерблин от пуль, пространство перекрестка, разорванное по центру глубокой воронкой, погнутые трубы городских коммуникаций, вывороченные взрывом из-под земли, да пара обгоревших легковых машин, ржавеющих у подъезда искаженного пульсацией двухэтажного кирпичного здания.

Дождь усилился. Порывистый ветер, сминая осеннюю хмарь, то налетал шквалом, то внезапно утихал, и в такие минуты было слышно, как упругие струи хлещут по гулким, ржавым корпусам машин, шелестят в зарослях металлокустарника, проросшего на ниве покореженных труб.

Сталкер со стоном пошевелился. Под рукой твердыми катышками ощущалась щедрая россыпь остывших автоматных гильз. Он попытался привстать, но лишь разбудил задремавшую боль, разбередил раны, и кровь, смешиваясь с дождем, вновь начала стекать по выщербленным ступеням розовыми ручейками.

Им овладело чувство глобального, всеобъемлющего одиночества.

Стена дождя смыкалась все плотнее. Помутившийся взгляд бессильно цеплялся за очертания предметов,

пытаясь удержать искру сознания. Беспамятство равносильно смерти. Он скрипнул зубами. Голова кружилась, мир погружался в багровые полутона боли, только побитый ржавчиной корпус баснословно дорогого концепт-кара промышленной группы «Рос-Авто» все еще оставался в фокусе восприятия.

Откуда он тут взялся? Взгляд сталкера скользнул по стенам близлежащих зданий. За мятущейся пеленой дождя виднелся темный провал выбитой витрины, глубже, в сумраке руин растеклось холодное сияние, исходящее дикой колонией скоргов, в тусклом неживом свете угадывались очертания десятков автомобилей. Одни из них еще сохранили мутный глянец заводской покраски, другие превратились в ржавую труху.

«БЫВШИЙ автосалон...» —
промелькнула блеклая мысль.

Метаболический имплант, загнанный в форс-режим, понемногу делал свое черное дело — боль постепенно отступала, возвращалась связность мышления, но становилось ли от этого легче?

Он чувствовал, как жизнь медленно, по капле покидает израненное тело. Шансов нет. Ближайшее энергополе в полукилометре, «сердце зверя» ¹ полностью разряжено, а без энергии ослабевший от потери крови организм не справится с ранами. Метаболический имплант гнал микромашины по кровеносной системе, серебристые струпья зарубцовывали разорванную пулями плоть, но это лишь затягивало агонию.

¹ «Сердце зверя» — артефактный накопитель энергии, основной источник питания для различных вживленных в организм stalkera устройств.

И все же сталкер боролся до последнего. Концентрация воли привела к активации расширителя сознания, и перед мысленным взором за пеленой непогоды призрачными контурами вспыхнули энергетические матрицы: несколько механических тварей копошились в руинах, трое сталкеров шли своей дорогой, сейчас до них было метров пятьдесят, не больше, нужно лишь привстать, совершить усилие, шевельнуть потрескавшимися губами и...

Возможно, они услышат предсмертный зов, подойдут ближе, остановятся, кто-то из них, считывая данные с имплантированных сканеров, наверняка качнет головой: нет, не жилец... Остальные ничего ему не ответят, даже автомат не подберут — кому нужен морально и технически устаревший «калашников»,

практически бесполезный в схватке с
исчадиями техносферы?

Постоят и уйдут дальше своей
дорогой.

Глобальное одиночество.

Почему некоторые истины
начинаешь понимать лишь на тонкой
границе между жизнью и смертью?

Где-то неподалеку есть и другие
люди, но ты все равно всегда один.
Здесь, в отчужденных пространствах,
каждый сталкер самодостаточен, он —
сам себе цивилизация, у него есть все,
чтобы эффективно выживать в
нечеловеческих условиях, а большего и
не нужно... до поры...

Многие скажут: так сложились
судьбы. Оказавшись в мире, где
безраздельно властвует технос, человек
быстро и необратимо меняется, тонкий
налет «цивилизованности» сползает с
него, как змеиная кожа, все условности

остаются за Барьером², а тут, в каждый миг осознанного существования, есть ты и есть порождения техносферы, которым вообще невдомек, что в субъективном мире людей существуют какие-то там законы или моральные ценности...

На тонкой зыбкой грани между жизнью и смертью, когда лишь работа метаболического импланта, пережигаящего последние ресурсы организма, поддерживает искру сознания, вдруг остро начинаешь понимать: борьба, которую вел, постепенно уничтожила нечто уникальное, превратив былые порывы души в циничную смесь холодного расчета, дерзких амбиций, презрения к любым проявлениям слабости.

Сообщество сталкеров... Он слабо усмехнулся в ответ навалившемуся

² Барьер – гравитационная аномалия, расположенная по периметру отчужденного пространства.

одиночеству. Крутые парни, презирующие опасность, одиночки по жизни, бесстрашные, но замкнутые в себе, редко протягивающие руку помощи себе подобному, полные амбиций, наштигованные имплантами — сейчас все это вдруг показалось фарсом. Еще пару часов назад он был таким же — сильным, энергичным, самоуверенным, а теперь, когда его вселенная вот-вот угаснет, истает на губах последним вздохом, что он мог вспомнить, оглядываясь назад?

Какой-то особо удачный выстрел? Число уничтоженных исчадий техноса? Количество денег, полученных за техноартефакты?

Да, конечно. Но почему так пусто внутри? Почему не согревает душу приведенный мысленный счет побед? Почему невозможно вспомнить ни одного человеческого лица, все

грезятся какие-то смутные, безликие силуэты?

Он оскалился, скулы обтянуло кожей. «Я выживал... проходил мимо других, и вот сегодня настал мой черед, так что же теперь?

Нечего вспомнить? Некого позвать, так, чтобы откликнулся сразу, наверняка, без лишних разговоров?

Да, некого. И точка».

Оказывается, упрощенный смысл жизни, когда все сведено к проблеме сиюминутного выживания, не оставляет места для поступков, о которых можно было бы вспомнить сейчас, за секунду до наступления абсолютного всепоглощающего мрака.

Дождь стеной.

Катышки автоматных гильз под слабеющими пальцами.

...Три фигуры внезапно свернули в сторону руин двухэтажного здания.

Сталкер не звал их, но угасающее сознание уже не контролировало импланты — видимо, чип мью-фона, по-своему интерпретируя предсмертную активность мозга, транслировал в сеть какие-то сигналы.

Три массивные фигуры в тяжелой, оснащенной сервоусилителями броне, покрытой слоем активного пластика, защищающего от скоргов³, появились в поле зрения. Дымчатые забрала их боевых шлемов были подняты, позволяя рассмотреть незнакомые лица.

— Не жилец... — произнес один из них.

— Отсканируй конфигурацию его имплантов, — холодно, без сочувствия приказал второй. Третий участия в разговоре не принимал, он контролировал окружающую обстановку.

³ Скорги — сленговое название эволюционировавших наномашин.

Неприятное ощущение щекотливого покалывания, пробежавшее по местам соединения имплантов с нервной системой, на миг заглушило боль.

— Мнемотехник? — поинтересовался первый.

— Да, — скупое и односложно ответил второй.

— Нам подойдет?

— По конфигурации имплантов я бы не сказал, что он мастер. Скорее ремесленник.

— Все равно — забираем. — Первый принял решение. — На начальном этапе нам мастера ни к чему. А этот подойдет.

— Как скажешь. — Второй не стал спорить, присел, собираясь сделать инъекцию.

Сталкер не ожидал такой развязки. Он видел лица, но не узнавал их. Одинаковая экипировка незнакомцев

говорила, что они пришлые. Он попытался привстать, но в следующий миг ощутил, как сознание гаснет, погружаясь в блаженное тепло и...

...С чавканьем открылась каплевидная крышка, в глаза ударил свет, чьи-то руки сноровисто, деловито принялись отлеплять датчики от обнаженного тела.

Резко пахло чем-то медицинским.

На белоснежной стене, в поле расплывчатого зрения выделяется эмблема: земной шар, окруженный нитями орбит.

«Лаборатория военно-космических сил», – услужливо подсказала память.

– Ну, – голос капитана Завьялова (в армии все имеют звания, даже научный персонал) прорывался издалека, с трудом проникал в рассудок, – как себя чувствуете?

– Порядок. – Он ухватился за борта

похожего на саркофаг спецкомплекса, сел.

Дождь стеной. Чужие мысли запутались в голове.

Поднятое забрало гермошлема. Лицо, вырванное из прошлого...

– Капитан?

Завьялов обернулся.

– Минуту терпения. Сейчас станет легче. Я вижу, вы стойко перенесли раздвоение личности.

– Неужели через подключение к мью-фонной сети можно вот так запросто читать мысли?

Профессор отрицательно покачал головой.

– Нам редко удастся получить и дешифровать связные, последовательные мысленные образы, сгенерированные в сеть расширителем сознания, – признался он. – Вообще-то большинство сталкеров, за

исключением некоторых мнемотехников, даже не подозревают, что их импланты транслируют в сеть данные, снятые на подсознательном уровне. М-связь, как вы знаете, разрабатывалась для реализации мысленного интерфейса управления машинами, так что с технической точки зрения в приеме «мыслеобразов» нет ничего необычного.

– Но катастрофа и мутация наномашинных комплексов изменили и сами чипы, и мью-фонную сеть!

– Да, верно. Не следует забывать – чипы М-связи адаптивны. Работая в контакте с человеческим мозгом, они используют разработанные еще до катастрофы алгоритмы распознавания и передачи мысленных образов.

– А общее информационное поле техноса?

– Оно пока недоступно для

понимания, — развел руками Завьялов.

— Ясно. Я уже могу встать?

— Да.

— Один вопрос, капитан. Что-то известно о судьбе сталкера? Он выжил?

— Не знаю, — пожал плечами Завьялов. — Нам даже имя его неизвестно. Трудно сказать, что произошло впоследствии.

— А как же уникальный маркер мью-фона? Разве его невозможно отследить?

— Теоретически. На практике все очень сложно. Агрессивная среда отчужденных пространств не позволяет использовать стационарные комплексы слежения. Пульсации уничтожают оборудование, скорги преодолевают защиту и захватывают наши устройства, энергополя создают помехи, в общем, проблем хватает.

— Но эту запись как-то получили?

Завьялов медлил с ответом, и майор, потянувшись за одеждой, заметил:

– У меня сплошной допуск.

– Да, я знаю. Но к чему вам технические подробности?

– Хочу понять, почему мне не показали видеOVERCLOCK? Зачем такие сложности? – Он кивком указал на спецкомплекс.

– Специфика М-связи. Чип сам по себе – обыкновенное приемопередающее устройство. Когда мью-фон имплантирован человеку, источником формирования сигнала служит мозг. По периметру Барьеров установлены специальные станции. В зоны отчуждения проложены кабели. Таким образом, мы соединяемся с сетью сталкеров. Информация записывается в модули искусственной нейросети. – Он демонстративно извлек из гнезда длинную планку с

нейрочипами. — Но данные с такого носителя способен дешифровать только человеческий рассудок. Этим сеть сталкеров и отличается от информационного поля техноса. Они разделились, произошла техническая мутация.

— Но точки соприкосновения остались? Иначе каким образом мнемотехники воздействуют на эволюционировавшие машины?

— Естественно, ведь М-связь и разрабатывалась для управления машинами через интерфейс мысленных команд, — вновь напомнил Завьялов. — Но проблема в том, что наномашинные комплексы разных специализаций перемешались между собой, создали совершенно новые агломерации и в конечном итоге эволюционировали. Мнемотехникам приходится подбирать индивидуальный ключ к каждому

«изделию», а ситуация чаще всего отводит на это секунды, не более. — Завьялов, похоже, начал развивать свою любимую тему, его речь стала взволнованной и немного сбивчивой. — Бытует мнение, что любой сталкер способен управлять техносом, но это не так. Современные чипы позволяют оперировать сотнями командных последовательностей, но этого мало. Нужно обладать устойчивой психикой, чтобы установить контакт с эволюционировавшей машиной, железной волей, чтобы удержать концентрацию мысленных усилий, обладать развитым логическим мышлением для мгновенной идентификации структуры управляющей колонии наномашин и, наконец, воздействовать на скоргов, используя элементарные команды, единственно верные из миллионов

доступных сочетаний, иначе результат будет неадекватен первоначальному замыслу. Поверьте, перечисленным сочетанием качеств обладают единицы...

— Спасибо, капитан. В общих чертах ситуация мне понятна, а углубляться в изучение проблемы сейчас нет времени. Последний вопрос: оказавшись *там*, используя чип мью-фона, я смогу определить местонахождение сталкера?

— Да, если он включен в сеть. Но большинство сталкеров предпочитают подключаться к сети эпизодически, по мере возникновения необходимости.

— Других вариантов нет?

— Чип мью-фона можно зафиксировать при помощи датчиков БСК⁴, но при этом объект должен находиться в зоне эффективного

⁴ БСК — боевой сканирующий комплекс. Обычно монтируется в шлеме бронескафандра.

сканирования, то есть на удалении в сто, максимум сто пятьдесят метров. — Завьялов заинтересованно взглянул на майора. — А вы действительно собираетесь в отчужденные пространства? Без специальной подготовки?

— Еще не знаю, — уклончиво ответил майор.

— Не рискуйте зря. По крайней мере подумайте, прежде чем принимать решение. Военных сталкеров готовят годами, и то при первом боевом выходе половина из них погибает. Необходимы длительные тренировки по специальным методикам, иначе психика попросту не выдержит.

— Не выдержит чего?

— Киборгизации восприятия, — лаконично ответил Завьялов. — И никакой «прежний опыт» там не поможет, — пристально взглянув на

майора, неожиданно добавил он. – Я вижу, вы уверены в себе. Но за Барьером начинается иной мир, иная среда обитания, где завышенная самооценка убивает новичков быстрее, чем пуля.

– Я учту.

Дверь за майором закрылась.

Глава 1

Главное управление спецопераций

– Да не мельтеши, Федор Андреевич! Сядь уже! – Полковник Фирсов прекратил расхаживать по кабинету, остановился подле длинного Т-образного стола, отодвинул одно из кресел и сел, глядя на голографическую карту Евразии. Мутные купола Барьеров ⁵, отсекающие аномальные

⁵ На самом деле гравитационные аномалии, именуемые «Барьерами», имеют сферическую форму, распространяясь в глубь земной коры, но при визуализации карт обычно воспроизводится их видимая над поверхностью рельефа часть, в виде полусфер тридцатикилометровой диаметра.

пространства от Внешнего Мира, выглядели на ней как вздувшиеся, готовые вот-вот лопнуть нарывы.

Так оно, по сути, и есть. Гравитационные аномалии год за годом сдерживают эволюционировавший технос в границах зон отчуждения, они же гасят чудовищную энергию пульсаций, но сколько еще продлится существующее положение вещей, предсказать невозможно. Может быть, вечно, а может, следующая пульсация взорвет цивилизованный мир еще одной катастрофой?

— О чем задумался?

Фирсов перевел взгляд на генерала Новикова.

— Вы не понимаете специфики аномальных пространств! — с несвойственной резкостью произнес он. — Операцию следует поручить военным сталкерам!

— Я им не верю! — отрезал генерал. — Люди без принципов. — Он поморщился. — Да и люди ли они теперь, полковник? Ты за кого-то лично поручиться можешь? Что у них в голове после имплантации происходит? Кем они себя считают?

Фирсов насупился.

— Павел Денисович, зачем меня вызвали в качестве консультанта, если...

— Не ершишь! — резко одернул его генерал. — Лично к тебе *пока* претензий нет. Но непонятно, что за бардак тут у вас творится? Техноартефакты по всему миру расползаются, курьеры с грузами через Барьер снуют, сталкеров становится все больше, так что же мне прикажешь думать? Как относиться к коалиционным силам, если периметр зон отчуждения — что проходной двор?

Замечание генерала задело Фирсова за живое. Он злился, но возразить ничего не мог, только изо всех сил старался сдержать растущее раздражение. Фигура Новикова на фоне окна выглядела темной безликой глыбой, словно олицетворяла некую силу, решившую, что пора вмешаться, навести порядок.

«Много вас тут побывало, — продолжал неприязненно размышлять полковник. — Нашелся начальник. Об аномальных пространствах понятия не имеет, а все туда же — командовать. Сейчас наломает дров, а мне потом расхлебывай...»

Дверь кабинета бесшумно открылась, на пороге показался незнакомый майор.

— Разрешите войти?

— Заходи, присаживайся, — в голосе генерала проскользнули нотки тревожного ожидания. — Знакомься,

полковник Фирсов, начальник отдела специальных операций Барьерной армии. Он консультирует нас.

— Майор Шершнев, — представился вновь прибывший.

— Запись просмотрел?

— Так точно.

— Что скажешь?

— Это он.

— Уверен?

— Вне сомнений.

Новиков насупился. Новость его явно не порадовала.

— О ком идет речь? — Фирсова откровенно злила складывающаяся ситуация. Не очень-то приятно чувствовать себя пятым колесом в телеге, да еще и движущейся в непонятном направлении.

— Минуту терпения. — Генерал Новиков коснулся сенсора, активируя голографический монитор.

В сфере объемного воспроизведения появилось изображение мужчины лет тридцати. Сухопарый, подтянутый, Фирсов внимательно рассматривал незнакомца, — лицо узкое, смугловатое, нос острый, губы тонкие, глаза карие, но их взгляд холодный, цепкий, отталкивающий. Полковник перебрал в памяти всех сколь-либо известных сталкеров, но очевидного совпадения внешности не нашел. Короткая армейская стрижка, из особых примет — чуть оттопыренные уши да едва приметная ямочка на подбородке.

— Я его не знаю, — в ответ на молчаливый вопрос генерала произнес Фирсов.

— Станислав Радич. — Новиков сцепил пальцы рук в замок, даже не глядя на голограмму. Очевидно, он знал фигуранта достаточно давно. — Гражданин России. Учился в

Московском институте
нанокибернетики, откуда в 2028 году
был отчислен за разжигание
межнациональной розни. Против него
возбудили уголовное дело, но Радичу
удалось вовремя ускользнуть за
границу. В течение последующих
десяти лет о нем не поступало никакой
информации. Международный розыск
результатов не дал. В 2038 году, в
разгар локальных конфликтов,
вызванных продовольственным
кризисом и климатическими
миграциями, Радич появился в
Центральной Африке. Был активным
участником незаконных вооруженных
формирований, действовавших против
сил ООН, в поле нашего зрения попал в
ходе расследования гибели жителей
двенадцати населенных пунктов,
находившихся в зоне боевых действий.
Как выяснилось, там проводились

эксперименты на людях.

— Какого рода эксперименты? — Фирсов мгновенно насторожился.

— Испытания кибернетических имплантов и наномашинных комплексов, созданных зарубежными корпорациями, — сухо пояснил Новиков. — Запрещенные, нелицензированные образцы технологий, признанные на тот момент лежащими за гранью научной этики.

— Он ученый или боевик? — Фирсов искоса взглянул на объемное изображение. Обыкновенный парень. Таких миллионы...

— Радич начинал рядовым наемником. Всегда отличался особой жестокостью, признавая любые способы достижения поставленной цели. Он умен, циничен, равнодушен к каким-либо ценностям, кроме собственных убеждений. Деньги для

него играют вторичную, я бы сказал – вспомогательную роль. Как удалось выяснить, за десять лет, пока о нем не поступало известий, Станислав завершил образование, некоторое время трудился на одну из западных корпораций. Сделал ряд открытий в области биокибернетики, опубликовал несколько статей в западных журналах, вызвавших скандал. Не получив заслуженного признания, он подвергся гонениям, был вынужден уйти из института биокибернетики, после чего подался на «вольные хлеба».

Фирсов внимательно слушал Новикова, изредка поглядывая в сторону Шершнева. Майор не проявлял особого интереса к словам генерала. Очевидно, история боевика-ученого ему была хорошо известна.

– В последующие годы Радич появлялся в различных горячих точках,

в том числе и на территории сопредельных с Россией государств, — продолжил Новиков. — В результате спецопераций нами были ликвидированы полтора десятка подпольных исследовательских центров, разбросанных по всему миру. Станиславу каждый раз удавалось уйти, хотя из допроса пленных становилось ясно — он находился на объектах, подвергавшихся тотальной зачистке. В 2047-м Радич получил тяжелое ранение. — Новиков взглянул на Шершнева, но у того на лице не дрогнул ни один мускул. Фирсов, перехватив красноречивый взгляд генерала, понял: именно Шершнев упустил террориста. Вероятно, счел его мертвым. «Со всяким бывает, — сочувственно подумал полковник. — Хотя для офицера спецназа ошибка серьезная».

— В сорок седьмом тело Радича не было найдено, хотя по предварительной информации он находился в оцепленном селении, — хмуро продолжил генерал. — Некоторое время его считали мертвым, даже отправили дело в архив, но не так давно выяснилось, что Станислав выжил, продолжает работать на международную преступную группу, известную как «Техносиндикат», и даже занял высокое положение в иерархии транснациональной группировки. После катастрофы пятьдесят первого мы закономерно ожидали, что рано или поздно Радич появится в отчужденных пространствах, и не ошиблись.

— Кто источник информации? Насколько надежен ваш осведомитель? — сухо поинтересовался полковник Фирсов. По опыту работы со

сталкерами он знал, как сложно добыть истинную информацию.

Новиков некоторое время хмурился, затем все же ответил:

– Станислав Радич опознан на записи мыслеобразов, сгенерированных в сеть расширителем сознания умирающего сталкера. Думаю, ошибка исключена. Радич не менял внешность, а запись мыслеобразов невозможно подделать или скорректировать. Мы получаем данные непосредственно из мью-фонной сети при помощи специальных станций, работающих на базе нейрокомпьютеров. Они контролируют М-связь, собирают отдельные факты, на их основе строят прогнозы событий. Нередко нейрокомпьютеры перехватывают обрывочные мысли сталкеров, спорадически транслируемые в сеть имплантами.

Фирсов задумался. Действительно, проблема серьезная, а источник получения информации вполне надежен. О станциях слежения за мью-фонными сетями он, естественно, знал, а скупой характеристики на Радича было достаточно, чтобы понять — его появление в отчужденных пространствах сулит серьезные проблемы.

— Почему именно разведывательное управление занимается разработкой?

Вопрос риторический, но Новиков все же ответил:

— Радич представляет угрозу национальной безопасности.

— Он имплантирован? — продолжал допытываться Фирсов.

— Неизвестно. На записи фигурируют три человека в одинаковой черной бронеэкипировке, без характерных признаков принадлежности к

какой-либо из группировок сталкеров.

— Как в таком случае опознали Радича? — недоуменно переспросил полковник.

— У всех троих забрала боевых шлемов были подняты. Сталкер отчетливо видел их лица. О чем говорят приведенные сведения?

— Без шлемов или с открытыми забралами в пространствах могут выжить только имплантированные сталкеры.

— И тем не менее он чист, — настаивал Новиков. — Умирающий сталкер являлся мнемотехником, — пояснил генерал. — Он бессознательно сканировал всех троих. Характерного излучения имплантов его расширитель сознания не зафиксировал.

— В таком случае импланты внешние, — уверенно предположил Фирсов.

– Поясните, – потребовал Новиков.

– Существуют устройства, при помощи которых человек способен некоторое время находиться в условиях агрессивной среды отчужденных пространств без серьезного вреда для здоровья, – осведомил его Фирсов. – Конечно, даже самым передовым образцам внешних приспособлений очень далеко до совершенства метаболических имплантов и расширителей сознания сталкеров, но все же с их помощью можно совершать короткие вылазки. Правда, стоимость таких устройств не по карману «мотылькам» или «черным старателям»⁶, но, насколько я понимаю, Радич в состоянии позволить себе такую «роскошь»?

– Ну да... Внешние импланты... – презрительно фыркнул Новиков. –

⁶ Сленговые обозначения неимплантированных охотников за техноартефактами.

Аналог наших российских разработок?

Фирсов кивнул.

— Принцип устройств и их функциональные характеристики приблизительно схожи. Я имею в виду, что наши разработки и их западные аналоги действительно не сильно разнятся.

— Наши разработки... — Генерал скептически хмыкнул. — Не из-за них ли недавно была провалена операция по захвату комплекса «Страж»? ⁷ — раздраженно уточнил он.

Фирсов побледнел.

— Наши устройства надежны! — утратив самоконтроль, запальчиво огрызнулся полковник. — Комплексы прошли все необходимые испытания! Существует лишь одно ограничение — внешние импланты нельзя использовать при прохождении через

⁷ События романа «Точка разлома».

пространство Узла! Их необходимо экранировать специальными приспособлениями. Наш агент пренебрег элементарными правилами, за что и поплатился!

— То есть, если избегать гиперпространственных перемещений через Узел, внешние импланты плюс надежная экипировка обеспечивают полный комплекс защиты? — Новиков прищурился в ожидании ответа.

— Именно!

— Хорошо. — Генерал расцепил пальцы рук. — Очень хорошо! Что докладывает агентура по поводу деятельности техносиндиката?

Вопрос застал полковника Фирсова врасплох.

— Я не подчиняюсь разведывательному управлению, — напомнил он.

— С сегодняшнего дня отдел

специальных операций переведен в мое подчинение. — Новиков мог бы сообщить новость и раньше, но предпочел сделать это именно сейчас, будто под дых саданул. — Вот приказ. — Он извлек из нагрудного кармана спецчип, щелчком пальца отправил его Фирсову. — Ознакомься.

Полковник поместил чип в гнездо на браслете личного наноконпа, бегло просмотрел данные, нахмурился.

Действительно, приказ о переподчинении его отдела... Проклятье... Вот как теперь работать?..

— К делу, полковник. Времени у нас мало. — Тон генерала изменился, теперь он явно давал понять, что не потерпит пререканий либо недомолвок. — Так что сообщает агентура?

— В основном — слухи. — Фирсов сознательно сделал упор на сомнительности имеющихся данных. —

Есть сведения, что корпорации Внешнего Мира затеяли масштабный эксперимент. Они хотят создать серию прототипов техники нового поколения, источником энергии для которой станет скоргиум, а в самих изделиях будут использованы технологии, заимствованные у эволюционировавших механизмов отчужденных пространств.

— То есть они рассчитывают выращивать образцы машин, используя колонии скоргов? — уточнил Новиков.

— Да, именно. — Фирсов, несмотря на предупреждение, вновь начал расхаживать по просторному кабинету.

— Вижу, в управлении спецопераций происходит элементарная недооценка степени и масштабов угрозы! — не выдержав, повысил тон генерал. — Скоргиум — серьезнейшая проблема! Мало того что в руки иностранных

наемников попал аномальный элемент
внеземной природы происхождения!
Они сумели не только добыть его из
глубин отчужденных пространств, но и
сохранить от распада, что говорит об
очень серьезной подготовке, о научных
исследованиях, проведенных с
привлечением огромных средств! Они
проанализировали и учли опыт
прошлых неудачных попыток и одними
из первых добились успеха! – бушевал
генерал.

– Небольшим количеством
скоргиума на сегодняшний день
располагает и Орден, но их
исследования продвигаются крайне
медленно, – заметил Фирсов, сбив
негромким высказыванием всплеск
«праведного гнева».

– Информация из Ордена нам
доступна? – тут же поинтересовался
Новиков.

— Да, они поддерживают условия соглашения, но прогресс в исследованиях пока невелик. Есть мнение, что корпорации продвинулись намного дальше в изучении образцов скоргиума. — Фирсов остановился у окна. — Я согласен: если будут созданы устройство, механизм, машина или того хуже — кибернетическая система, работающая на *извлеченном из вкраплений скоргиуме*, то уже ничто не помешает техносиндикату вывезти созданное изделие за границы Барьеров, — мрачно произнес он.

— Если образец извлечен на поверхность... — начал генерал, но Фирсов прервал его протестующим жестом.

— Скоргиум разрушается, превращаясь в кристаллическую массу, лишенную уникальных свойств, при попытках транспортировки образцов на

поверхность, — пояснил он. — Создание специального защитного контейнера, внутри которого поддерживаются нужное давление и температура, стало первым шагом для успешной добычи образцов аномального элемента. Но имеющиеся защитные устройства работают только в отчужденных пространствах. Транспортировать скоргиум за Барьер пока не удалось.

— Таким образом, налицо главная опасность, — выслушав его, подытожил генерал. — Вероятный экспорт энергоносителя, его неконтролируемое использование во Внешнем Мире, что неизбежно приведет к экспансии техноса за границы отчужденных пространств! Создание защитной капсулы для скоргиума — задача, достойная Радича.

— Мы бы заметили появление новых энергополей.

— Если только эксперименты не проводятся в границах уже существующего энергополя, маскируя аномалии, возникающие при извлечении извлеченного на поверхность образца.

— В границах энергополей велика концентрация изделий техноса. Там невозможно спокойно работать.

Новиков с досадой кивнул. Он изучил вопрос и понимал, о чем говорит Фирсов. Эволюционировавший технос зависим от энергополей. Создать базу в границах «энергетического пастбища» действительно проблематично.

— Шепетов на связь выходил? — Генерал мрачнел по мере накопления безответных вопросов.

— В последние две недели — нет.

— Он что, в сталкеры решил податься? — осуждающе спросил Новиков. — Как такое могло произойти?

Боевой генерал проданся Ордену?!
Может, они его уже и в очередь на имплантацию поставили?

— Связь с Шепетовым доступна по четвертому каналу, через спецкомплекс адаптеров мью-фонной сети. — Фирсов кивнул в сторону упомянутой аппаратуры, которую заметил в кабинете Новикова. — Если есть вопросы к генералу, спросите у него лично.

Наступила неловкая пауза.

— Ладно. С этим я сам разберусь. Давай, полковник, соберись, мне нужно твое компетентное мнение. Радича видели в Пустоши. Исходя из всего сказанного понятно: он не имплантирован, пользуется подключаемыми модулями поддержания жизни и расширения сознания, то есть вынужден избегать

«зоны тамбура»⁸. Его деятельность ограничена пространством Пустоши. Значит, именно там расположена крупная база синдиката. А это, в свою очередь, — каналы снабжения, поставка материалов, проводка групп через периметр Барьера. Твоя епархия. Что скажешь?

Фирсов заставил себя успокоиться, вновь сел в кресло.

— Крупных баз синдиката до последнего времени в Пустоши не существовало. Признаков ее организации также не зафиксировано. Спутниковый мониторинг территорий эффекта пока не дал. Есть сведения от сталкеров. Синдикат действительно активизировал деятельность, но не только в Пустоши — во всех пяти отчужденных пространствах. У меня есть информация, что им требуются

⁸ «Зона тамбура» — геометрический центр отчужденного пространства. Точка доступа к сети гипертоннелей.

специалисты по работе со скоргами. Попытка внедрения наших агентов под видом вольных мнемотехников провалилась. Техносиндикат уже не раз обжигался, и сейчас его эмиссары действуют крайне осторожно. Сталкеров, изъявивших желание стать наемниками, тщательно проверяют, отвергнутые кандидатуры, как правило, исчезают бесследно.

— То есть мы не располагаем проверенными данными?

— Мои люди ищут базу.

— Этого мало!

— Правильно мотивированный сталкер способен в одиночку собрать информации больше, чем поступает от спутников, — заметил Фирсов.

— Нет! Я уже сказал: сталкерам доверять нельзя! — мгновенно взъярился Новиков. — Речь идет об интересах государства! Почему до сих

пор не прочесали Пустошь силами военных?!

Фирсов непроизвольно поморщился. Протянув руку, он коснулся голографического изображения одного из Барьеров, и тот вдруг начал укрупняться, затем в пространстве голографической модели появилось максимально детализированное изображение рельефа Пустоши.

С высоты птичьего полета местность выглядела как сплошное сплетение металлической проволоки, по большей части хаотичное, лишь кое-где уплотняющееся в структуру так называемых городищ.

— Это Пустошь. Кроме металлорастений, — он включил лазерную указку, очертил ею некоторые упорядоченные структуры, — на территории аномального пространства расположены тысячи

построек техноса. Многоуровневые сооружения по большей части покинуты, но их прочесывание – пустая трата времени. Созданная техносом инфраструктура надземных дорог и подземных тоннелей, связывающих городища, до сих пор даже не картографирована! Войсковая операция обернется жертвами и вспугнет синдикат. Затеряться в Пустоши просто, а вот отыскать точку базирования наемников – крайне сложно. Если мы начнем действовать грубо – лабораторию свернут, и не исключено, что она появится где-нибудь в странах третьего мира, уже за границами Барьеров.

– Ладно. Убедил. – Новиков не стал протестовать, словно проверял Фирсова на вменяемость. – С войсковой операцией повременим. – Он обернулся к майору. – Иван, ты пока свободен.

Шершневу молча встал и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Новиков произнес:

– Он отыщет базу наемников.

– Каким образом? – насупился Фирсов.

– Под видом сталкера-одиночки он проникнет в пространство Пустоши.

– Это неоправданный риск. Он погибнет, – отрезал полковник. – Для эффективной работы в отчужденном пространстве нужна специальная подготовка.

– Хватит уже поучать меня! – вновь вспыхнул генерал. – Твои люди *уже* не справились! Мотивация сталкеров для меня весьма сомнительна. А Шершневу – человек системы. Нашей системы. Он опытный, подготовленный офицер, способный провести автономный поиск!

Фирсов хотел что-то возразить, но

передумал. Если вопрос поставлен таким образом, то Новиков от намеченной операции не откажется. Говорить ему о плотности строений техноса и бесчисленных опасностях, которыми буквально пропитан каждый квадратный метр отчужденных пространств, сейчас бессмысленно. Генерал либо адекватно оценил угрозу, либо решил действовать нахрапом, и тогда его ставленнику не позавидуешь...

— Радич крайне опасен, — продолжал развивать свою мысль генерал. — Он прекрасно умеет манипулировать людьми, для достижения цели использует любые средства. Жесток, циничен, умен. Прекрасно подготовлен. В совершенстве владеет многими видами оружия. За ним стоит финансовая мощь транснациональных корпораций. Он не перекупщик, не

рядовой агент и не охотник за артефактами. Появление Станислава означает, что корпорации затеяли что-то очень серьезное.

— Дайте мне пару недель, — произнес Фирсов. — Насколько я понял, интересам государственной безопасности в полной мере отвечает ликвидация Радича, верно?

— Федор Андреевич, ты меня разочаровываешь. — Новиков укоризненно покачал головой. — Нам прежде всего нужна информация! Повторяю: затевается что-то очень серьезное! Мы должны не просто отыскать и уничтожить лабораторию, необходимо изъять все материалы, касающиеся проводимых синдикатом разработок, а особенно прототипы техники, если таковые уже созданы.

— Шершневу справится?

— Его задача — обнаружить базу. Твоя

— подготовить Ивана, оснастить его всеми необходимыми для выживания техническими средствами.

— Средства у нас есть. Но на адаптацию к устройствам, имитирующим импланты, ему потребуется как минимум два-три пробных выхода в отчужденное пространство, желательно в составе войсковых групп, для подстраховки. По опыту знаю — подключение расширителя сознания ломает психику, а воздействие метаболического импланта выдерживает не каждый организм. Всякое может произойти.

— Предложения? Время не терпит. Каждый день промедления будет нам дорого стоить!

— Существуют подразделения, осуществляющие регулярные рейды в пространство Пустоши.

— Ивана нельзя «засветить». В

составе уже слаженных боевых групп его адаптация станет заметной, вызовет вопросы, поползут слухи.

— Есть одна идея, — подумав, ответил Фирсов. — Подразделение, регулярно сопровождающее грузы в Пустошь. Бойцы там далеко не элитные, всегда есть свободные вакансии. Появление Шершнева подозрений не вызовет. Слишком большая текучка кадров.

— Почему? Высокая смертность?

— Высокие соблазны... — усмехнулся полковник.

— Отчет мне на стол положишь. Подробный.

— Без проблем. Меня волнует другой вопрос: допустим, что Шершнев обнаружит базу. Что дальше?

— Есть предложения?

— Зная точные координаты, мы сможем провести войсковую операцию.

Генерал задумался, затем кивнул:

– Резонно. Подготовь группы немедленного действия. Задействуй достаточно людей и техники для круглосуточного дежурства.

– Последний вопрос. Связь с Шершневым?

– Через меня.

Фирсов не удивился. Почему-то он так и думал. Не исключено, что Новиков действует на свой страх и риск. Впрочем, он-то ничего не теряет. Рискует тот, кто отправляется в Пустошь без должной подготовки.

Угрозы генерала его не пугали. Но и возражать он не видел смысла. Новиков все равно поступит по-своему. Придется действовать параллельно, попытаться подстраховать Шершнева, действуя через сталкеров. Фирсов прекрасно осознавал – по большому счету Новиков прав: если ничего не предпринимать, мир вскоре полетит в

пропасть. Если техносиндикат вывезет хоть одно запитанное энергией скоргиума «изделие» за границы Барьера, мало не покажется никому. Род человеческий попросту будет сметен с лица планеты неконтролируемой экспансией постоянно эволюционирующих нанороботов. Надежда удержать их под контролем, в каких-то рамках неизбежно обернется провалом, катастрофой. Любой, кто хоть раз побывал в отчужденных пространствах, должен понимать это. Технос невозможно контролировать. По крайней мере не на уровне современной науки и известных технологий. Можно лишь сдерживать его в границах зон отчуждения, сделать все, чтобы скоргиум не был экспортирован во Внешний Мир.

– Разрешите идти? – Фирсов встал.

– Иди! И не просто иди, а работай, начинай немедленно формировать группы для захвата лаборатории! Когда Шершнев ее обнаружит, времени на раскачку уже не будет!

Фирсов кивнул. Хотел бы он иметь такую же уверенность в успехе.

«А кто его знает? Может, я действительно заиклился на сталкерах? Все же не мальчика Новиков посылает в Пустошь».